

© 2010 г.

Т.И. ШЕВЧЕНКО

КАНОНИЧЕСКОЕ ПРИЗНАНИЕ МОСКОВСКИМ ПАТРИАРХАТОМ ФИНЛЯНДСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1957 году

Финляндская епархия Русской православной церкви (РПЦ) была образована в 1892 г. После 1917 г. Финляндия провозгласила свою независимость от Советской России. В русле традиционных чаяний о национальном самоутверждении государственные и церковные власти Финляндии разработали законодательство, согласно которому в республике сосуществовали две государственные церкви – Евангелическо-лютеранская и Финляндская православная. В 1921 г. Патриарх Московский Тихон (Беллавин) благословил широкую автономию Финляндской православной церкви (ФПЦ) в юрисдикции Московского патриархата. В связи с осложнением церковно-государственных отношений в Советской России связь между Финляндской и Русской церквями практически прервалась. Озабоченное укреплением своего статуса молодое Финляндское государство взяло под контроль православную церковь в республике и содействовало смене ее церковной юрисдикции. С 1923 г. ФПЦ состоит в юрисдикции Константинопольского Патриарха. Однако поскольку перевод был осуществлен без отпускной грамоты от Патриарха Московского, положение ФПЦ долгое время считалось канонически не твердым. Ее общение с РПЦ было восстановлено только в 1957 г.

Цель данной статьи выяснить, какую роль сыграла политика советского государства в 50-е годы XX в. в воссоздании канонических отношений между Русской и Финляндской православными церквями. Автор использовал не привлекавшиеся ранее к исследованию материалы Фонда Государственного Архива Российской Федерации (ГА РФ) № 6991 “Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР”, касающиеся ФПЦ, а так же некоторые документы из архива Финляндского Валаамского монастыря (VLA).

В публикациях по теме, вышедших в СССР, в основном подчеркивались незаконность отделение ФПЦ от Московского Патриархата, самовольный характер смены юрисдикции, поспешность канонов и склонность к модернизму – самым ярким проявлением которого стал григорианский календарь в церковной практике ФПЦ¹. Официальную позицию по этому вопросу отражала статья А. Ведерникова в “Журнале Московской Патриархии” “Горькие плоды церковного разделения”². После признания Московским патриархатом автономии ФПЦ под юрисдикцией Константинопольско-

Шевченко Татьяна Ивановна – младший научный сотрудник отдела новейшей истории Русской православной церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ).

¹ ФПЦ единственная из православных церквей использует с 1925 г. григорианскую пасхалию, принятие которой вызвало бурный протест в русских монастырях, оставшихся на территории Финляндии, и отдельных православных приходах.

² Журнал Московской Патриархии (ЖМП), 1951, № 12.

го Патриарха и последовавших обменов дружественными делегациями общий тон статей стал более мягким – признавался бесспорный факт отделения, обстоятельства которого были всем известны, но анализа их не проводилось.

В современной отечественной историографии тема ФПЦ в XX в. упоминается в трудах профессора Московской духовной академии протоиерея Владислава Цыпина. Он считает, что вмешательство Константинопольской патриархии и государственных властей во внутренние дела Финляндской церкви имело негативные последствия для устроения церковной жизни в Финляндии, но Русская церковь своим снисхождением покрыла канонические нарушения, учиненные финской иерархией³. Позиция финляндских историков нашла отражение в монографии Ю. Рииконена “Церковь в объятиях политики: 1945–1957”⁴. Финский исследователь признает, что не все православное население Финляндии одобрило смену церковной юрисдикции и считает мотивы к объединению Русской и Финляндской православных церквей исключительно политическими. После окончания Второй мировой войны коммунистическая партия, на протяжении многих лет запрещенная в Финляндии, была официально допущена к политической деятельности. На первых послевоенных выборах в парламент Финляндии левые радикалы получили 49 из 200 мандатов, а в правительство, по требованию Контрольной комиссии, вошло несколько министров от коммунистов. Усилилось давление левых сил, добивавшихся вхождения Финляндии в сферу влияния СССР⁵. Создавшийся политический фон при поддержке советским правительством РПЦ в 1945–1946 гг. создавал реальные предпосылки возвращения Финляндской архиепископии в Московский патриархат. Однако надежды не оправдались. Причина была не только в том, что Патриархия выполняла поручения советского руководства, стремившегося подчинить Финляндию советскому влиянию, чем, по мнению Ю. Рииконена, оттолкнула рядовых православных и власти Финляндии от Русской церкви⁶.

Московская патриархия задержалась в сфере “большой политики” советского правительства недолго – с осени 1943 г. по осень 1948 г. В этот период она действительно являлась одним из инструментов, с помощью которого СССР стремился занять доминирующее положение в послевоенном мире. Но уже в 1947 г. в Советском Союзе начали предприниматься попытки оживить антирелигиозную пропаганду. Начало “холодной войны” стало поворотным рубежом во внешней политике СССР. Осенью 1948 г. коммунисты потерпели поражение на парламентских выборах в Финляндии и были выведены из правительства. В республике началось, хотя и робкое, контрнаступление правых сил. А 1 ноября 1948 г. Константинопольским Патриархом был избран Нью-Йоркский архиепископ Афинагор (Спиру)⁷, “американский ставленник”⁸ и ярый антикоммунист. Над Восточной Европой успешно устанавливался советский контроль и влияние Московской патриархии уже не имело прежнего веса в глазах советского руководства⁹. Чиновников государственного аппарата раздражало и то, что православную церковь в СССР не удалось превратить в “элемент тоталитарной

³ Цыпин Владислав, *протоиерей*. История Русской Церкви 1917–1997. Книга 9. М., 1997. С. 215–219.

⁴ Riikonen J. Kirkko politiikan syleilyssä: Suomen ortodoksisen arkkipiispakunnan ja Moskovan patriarkaatin valinen kanoninen erimielisyys 1945–1957. Joensuu, 2007.

⁵ Ibid., p. 356.

⁶ Ibid., p. 362.

⁷ Константинопольский Патриарх Афинагор (Спиру Аристоклас) (1886–1972) был в 1931 г. назначен в США архиепископом Нью-Йоркским, экзархом Константинопольского Патриарха по Северной и Южной Америке. В 1948 г. он принял американское гражданство. Его деятельность отвечала интересам американского правительства, стремившегося объединить православные церкви на Ближнем Востоке с Ватиканом под флагом борьбы с коммунизмом. – ГА РФ, ф. 6991, оп. 7, д. 132, л. 1, 4, 36.

⁸ Там же, л. 1.

⁹ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999, с. 304.

системы”¹⁰. Чем больше влияния она приобретала, тем больше стремилась расширить сферу своего участия в жизни советских граждан и тем активнее проявлялось в обществе стремление к религиозному мироощущению, контрастному коммунистической идеологии.

В начале 50-х годов XX в. валютные ассигнования, выделяемые советским государством на международную деятельность Московской патриархии, значительно снизились. В 1948 г. была предоставлена автокефалия Польской, а в 1951 г. и Чехословацкой православным церквям¹¹. Процесс имел во многом пропагандистский характер, поскольку противостояние с Ватиканом продолжалось¹².

В мае 1948 г. Московская патриархия сделала заманчивое предложение автокефалии ФПЦ с условием ее предварительного возвращения в свою юрисдикцию. 16 ноября 1948 г. Патриарх Алексий составил соответствующее постановление Синода. Переговоры по этому вопросу велись уже в 1945 г. В 1946 г. и финляндское правительство было не против возвращения¹³. Однако делегация от Финляндской церкви не приехала в Москву, поэтому окончательного соглашения достигнуто не было. Очередной Собор ФПЦ был перенесен с 1948 г. на 1950 г.

В 1945 г. после визита в Финляндию митрополита Григория (Чукова)¹⁴ присоединились к Московскому патриархату Валаамский на Новом Валааме и Коневский монастыри¹⁵, а так же два прихода в Хельсинки¹⁶. Обеспокоенный сложившимся положением Финляндский архиепископ Герман (Аав)¹⁷ провел опрос по приходам об отношении к возможному воссоединению с РПЦ, обещая сохранить результаты опроса в тайне. Однако, высказавшиеся “за” финляндские священники были подвергнуты дискредитации и не допущены до выборов на Собор 1950 г. В результате перевесом всего лишь в 4 голоса вопрос об отношениях с Московской патриархией был отложен на рассмотрение следующего Собора (1955)¹⁸. Как показал опыт, меры предосторожности были не лишними. Вернувшийся из поездки в Москву один финляндский священник заявил, что “между правильно понятой христианской верой и коммунизмом есть что-то общее”¹⁹.

¹⁰ Там же, с. 342.

¹¹ Решение о даровании автокефалии заранее принимал Совет министров СССР. – Там же, с. 307–308.

¹² Декретом Конгрегации священной канцелярии от 13 июля 1949 г. отлучались от католической церкви те, кто принял коммунистическое учение и его пропаганду, состоял в компартии или сотрудничал с ней. – Там же, с. 308, 309.

¹³ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 130, л. 552.

¹⁴ С 1945 г. митрополит Григорий (Чуков Николай Кириллович) (1870–1955) был митрополитом Ленинградским и Новгородским.

¹⁵ Братства Валаамского и Коневского монастырей на Ладогe были эвакуированы в глубь Финляндии во время Советско-финской войны 1939–1940 гг. с сохранением юридического лица прежних монастырей. Митрополит Григорий перевел монастыри в каноническое послушание Московской Патриархии, в административных же вопросах они продолжали подчиняться местному церковному управлению. Это позволило ликвидировать “календарный раскол” среди насельников.

¹⁶ Две старостильные общины в Хельсинки – Никольская и Покровская – официально имели автономный статус и подчинялись митрополиту Евлогию (Георгиевскому) экзарху Западно-европейских православных приходов в юрисдикции Константинопольского патриархата (1930–1945).

¹⁷ В 1922 г. архиепископ Герман (Аав Герман Васильевич) (1878–1961) на Соборе ФПЦ был избран на должность викария архиепископа Финляндского, после утверждения правительством в этой должности Герман Аав 8 августа 1923 г. был хиротонисан Константинопольским Патриархом Мелетием IV во епископа Сортавальского, вопреки протесту правившего архиерея Серафима (Лукиянова), “уволненного” правительством. С 1 января 1924 г. он фактически управлял Финляндской архиепископией, а в 1925 г. на Соборе ФПЦ его официально избрали архиепископом Финляндским. 14 августа 1925 г. президент Финляндии утвердил его в должности.

¹⁸ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 147, л. 22–23.

¹⁹ Там же, д. 170, л. 94–95.

Направлявшие церковную политику в Финляндии члены Церковного управления – протоиерей А. Рутеляйнен и магистр философии П. Контконен – оказались “ярыми противниками воссоединения”. Среди финского духовенства А. Рутеляйнена называли “диктатором”, а П. Контконена – “идеологом” Финляндской церкви²⁰. Именно они в последний момент отказались ехать в Москву, чем сорвали поездку делегации. Они заявили, что “финский православный народ не просил воссоединения” и усмотрел бы в нем “желание побить побитого”. Эти люди провели на Соборе решение об “отсутствии причин для воссоединения”²¹. П. Контконен утверждал, что финны не доверяли Москве из-за того, что им не ответили на сделанный накануне Собора 1950 г. запрос в Московскую патриархию о подтверждении решения предоставить Финляндской церкви автокефалию²².

Другая причина отсрочки обсуждения вопроса о воссоединении заключалась в том, что нововалаамские монахи отказались исполнить свои делегатские обязанности и не явились на Собор 1950 г. Шаг этот был сделан ими с благословения митрополита Григория (Чукова) и вызвал протест в церковных и общественных кругах демократической Финляндии. Государственный советник А. Инкинен требовал вернуть монастыри Финляндии в их “законное положение” и настаивал на том, что переход ФПЦ в юрисдикцию Константинопольского Патриарха в 1923 г. не носил политического характера, а был вызван внутренними требованиями церковной жизни Финляндии, ее национальными особенностями²³.

В 1953 г. членам делегации от Московской патриархии удалось прояснить ситуацию после очередной поездки в Финляндию. Согласно отчету участника делегации протоиерея А. Медведского, возвращение ФПЦ в Московский патриархат целиком “зависело от политических причин” и было “не связано со стремлением поступить согласно исторической правде и нормам канонического права”. Поскольку ФПЦ получала крупные субсидии от государства²⁴, делал заключение А. Медведский, она была “предана ему душой и телом”. Он утверждал, что именно финляндское правительство инициировало переход ФПЦ под юрисдикцию Константинопольского Патриарха. “Все интересы Финляндской Церкви, – делал вывод автор отчета, – в лагере капитализма, вне СССР, ей нужен железный занавес, а не мир”. Однако, заметил А. Медведский, простой народ в Финляндии тянулся к РПЦ и об этом свидетельствовали письма митрополиту Григорию, поступающие из Финляндии²⁵.

В мае 1953 г. в Совет по делам РПЦ поступила секретная справка № 418/с. В ней сообщалось о письме Святейшему Патриарху Алексию от настоятеля прихода в г. Темпере протоиерея М. Мииккола (М.М. Михайлова). Настоятель информировал Патриарха о наличии группы лиц в ФПЦ, тяготившихся канонически неясными отношениями с Московским патриархатом и бывших “не прочь” перейти под его юрисдикцию. К этой группе, со слов автора записки, относились 10 молодых священнослужителей, член Финляндского церковного управления П. Контконен, ректор, все преподаватели и служащие местной Духовной семинарии. Значительный интерес к положению церкви в СССР проявлял так же руководивший религиозной работой среди молодежи в Финляндии священник И. Пийронен, передавший для председателя Отдела внешних церковных связей (ОВЦС) митрополита Крутицкого Николая (Ярушевича) текст Декларации, приложенный к письму²⁶.

Однако Декларация не содержала просьбы о переходе в Московский патриархат. Она лишь выражала серьезную озабоченность финского священства судьбой православных карел в стране, ввиду того, что отсутствие добрососедских отношений с рус-

²⁰ Там же, д. 121, л. 64–66.

²¹ Там же.

²² Там же, л. 124.

²³ Там же, л. 10–12.

²⁴ Названа сумма в 9 млн. марок.

²⁵ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 121, л. 62–66.

²⁶ Там же, оп. 1. д. 1102, л. 108–109.

ской церковью ослабляет православие в Финляндии. Авторы Декларации сетовали на растущее противостояние с лютеранской церковью. Они называли неприемлемой, ввиду экономических и политических трудностей в стране, предлагаемую Финляндской церкви автокефалию и считали, что она не поможет “сохранить авторитет [православного] епископа среди иноверного окружения”. Авторы считали, что признание Московским патриархатом настоящего статуса ФПЦ послужит только возрастанию его авторитета во Вселенском Православии²⁷.

Декларация была примером стремления к нормализации отношений. Финская сторона сетовала на отсутствие связи с Московской патриархией, что не позволяло открыто обмениваться мнениями. Авторы Декларации предлагали организовать закрытое обсуждение вопроса и достигнуть взаимоприемлемого решения. Они призывали сделать все возможное, чтобы избежать превращения Финляндской церкви в арену канонических распрей²⁸. К 1953 г. в Финляндии насчитывалось 24 православных прихода, 80 000 верующих (2 % населения), Московскому патриархату принадлежали два прихода в Хельсинки (около 1350 прихожан) и два монастыря (80 русских монахов)²⁹. В составе Финляндского церковного управления числилось пять человек: архиепископ Герман (Аав), епископ Александр (Карпин), протоиерей А. Рутеляйнен, доктор философии П. Конктконен и секретарь.

В сентябре 1952 г. Финляндия завершила выплату послевоенных репараций СССР и возникла перспектива установить взаимовыгодные экономические отношения между государствами. В марте 1953 г. умер И.В. Сталин, а в сентябре первым секретарем ЦК КПСС был избран Н.С. Хрущев, сторонник жесткой антицерковной политики.

В августе 1953 г. состоялись две поездки в Финляндию делегаций от Московской патриархии: священников И. Малюшицкого, М. Чуба и митрополита Николая (Ярушевича) по линии Советско-Финляндского общества дружбы. В мае 1953 г. Совет по делам РПЦ дал указание готовившейся делегации “опровергнуть клевету об отсутствии в СССР религиозной свободы”³⁰. К концу 1953 г. в СССР было закрыто 80 обителей, шел жесткий отсев по идеологическим мотивам поступающих в духовные учебные заведения. Наступление на церковь достигло своего пика к середине 1954 г. “Преследовались прихожане, разгонялись молящиеся в храмах, закрывались церкви”³¹. Успех поездки митрополита Николая имел целью, в том числе, защитить церковные рубежи внутри СССР. Митрополит стремился повысить международный престиж РПЦ и им было достигнуто соглашение об условиях воссоединения двух церквей. Поездка, судя по отчету митрополита, имела впечатляющий успех. Он посетил несколько крупных городов, сделал шесть публичных докладов, провел несколько торжественных приемов, три пресс-конференции, несколько лекций, показ фильмов о церковной жизни в СССР, выступил по радио, был принят главой Евангелическо-лютеранской церкви Финляндии, провел встречи с православными епископами и был принят президентом. Перед президентом митрополит осветил два вопроса – необходимости скорейшего воссоединения Финляндской и Русской православных церквей и отдельного епископа для русских приходов в Финляндии³².

7 июля 1953 г. к предстоящей поездке в Финляндию была составлена инструкция. Согласно ей, в задачу делегации входило: разобраться с юридическим положением монастырей в Финляндии и выяснить возможности для их перевода в Ленинградскую митрополию; изучить условия для создания благочиния и возможности назначить благочинным игумена Финляндского Валаамского монастыря с прикреплением к нему помощника из СССР; выяснить юридические возможности для открытия новых приходов Московского патриархата; неофициально обсудить с ведущими членами

²⁷ Там же, л. 111–113.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, оп. 2, д. 121, л. 98.

³⁰ Там же, оп. 1, д. 1102, л. 131.

³¹ *Шкаровский М.В.* Указ. соч., с. 346, 350.

³² ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 121, л. 131.

Финляндского церковного управления, авторами Декларации и писем в Патриархию, пути воссоединения³³.

На встречах с участниками делегаций П. Контконен предложил план, следуя которому ФПЦ намеревалась получить автокефалию. Согласно плану, уже в середине сентября 1953 г. Финляндское церковное управление обратится в Московскую патриархию с вопросами о подтверждении обещанной автокефалии и неприкосновенности автономии Финляндской церкви в переходный период. Запрос был нужен, по объяснению П. Контконена, чтобы рассеять предубеждение финнов о намерении Патриархии проводить “русификацию”. Согласно плану, предполагалось, что Финляндское церковное управление само известит Константинопольскую патриархию о смене юрисдикции и о намерении получить автокефалию на Соборе 1955 г. Если после этого, планировал П. Контконен, автономию Финляндская церковь получит в июле 1955 г., то автокефалию финны хотели бы получить на Рождество, “в качестве подарка”. Что важно, П. Контконен был убежден – Константинопольский Патриарх не будет препятствовать такому повороту событий: “мы уже имеем от него письменное заверение о том, что решение этих вопросов он всецело предоставляет Собору финляндской церкви”³⁴. Таким образом, в 1953 г. план воссоединения двух церквей и предоставления автокефалии финляндской церкви уже существовал во всех деталях.

Цели Московской патриархии совпадали с целями правительства относительно укрепления государственности, но советское руководство предпочитало действовать иными средствами. Так в начале 1952 г. возглавлявший Совет по делам РПЦ Г.Г. Карпов рекомендовал для успеха дела продолжать оказывать давление на Финляндского архиепископа Германа, опубликовать в “Журнале Московской Патриархии” статью о незаконности пребывания ФПЦ в юрисдикции Константинопольского Патриарха, обратиться к последнему с нотой протеста и призвать присоединиться к протесту глав других церквей³⁵. Однако предлагаемая Г.Г. Карповым политика не имела успеха и была, скорее, результатом его личных честолюбивых амбиций. П. Контконен и архиепископ Герман в беседе с митрополитом Николаем заявили, что посетивший Финляндию в 1945 г. митрополит Григорий вел неправильную линию: “Он приезжал как диктатор – напыщенный, холодный, жестокий... Статья Ведерникова³⁶ о финляндской церкви не понравилась многим”. Финляндский архиепископ утверждал: “Я не могу быть пророком в отношении 1955 г., но не могу не видеть, что большие сдвиги уже налицо. Надо кончать разобщенность с русской церковью. Простите, но во многом виноват митрополит Григорий... Если бы Вы приехали в 1945 г., было бы все по-другому, он никого из нас не смог убедить в том, что русская православная церковь не хочет русифицировать нашу Церковь”³⁷. Архиепископ Герман в очередной раз попросил от Патриархии письменное заверение обещания предоставить автокефалию финляндской церкви и соблюдать неприкосновенность ее автономии в переходный период, что, по его словам, должно изменить ультимативный характер планируемого воссоединения. В Финляндии и правительство, и общественность имели сильное недоверие к советским властям.

Хотя негласная конкуренция между митрополитами Григорием и Николаем³⁸ давала повод заподозрить последнего в намеренном акцентировании промахов своего конкурента, тем не менее, в словах финских церковных деятелей была доля правды. Второй финляндский архиерей епископ Александр (Карпин) так же подтвердил: “Ошибка митрополита Григория была очень большая. Он привез с собой нажим, насилие, требование... не учитывал нашей психологии. За последнее время в нашей оп-

³³ Там же, л. 109–111.

³⁴ Там же, л. 121–130.

³⁵ *Шкаровский М.В.* Указ. соч., с. 311.

³⁶ *Ведерников А.* Горькие плоды церковного разделения: к положению Православной Церкви в Финляндии. – ЖМП, 1951, № 12.

³⁷ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 121, л. 124–125.

³⁸ *Шкаровский М.В.* Указ. соч., с. 347.

позиции к русской православной церкви произошли большие сдвиги. До сих пор эмоциональные чувства довели над канонической правдой, теперь Конконтон повернул свое лицо к русской церкви. Стало просыпаться каноническое сознание”³⁹. Как уверял “ближайший друг архиепископа Германа” диакон О. Бергман, сотрудник Министерства иностранных дел Финляндии, все шаги, которые предпринимают Конконтон и финское “прогрессивное молодое духовенство”, делаются с тайного благословения обоих финляндских архиереев, которые решили: “пусть работают низы... а потом мы открыто все это благословим”⁴⁰.

Проблема состояла в том, что воссоединение с русской церковью могло вызвать в местной церковной жизни раскол на два лагеря и даже образование двух “православных церквей”, что было бы неприемлемо для финляндского правительства⁴¹. Лидеры местного церковного управления не допускали и мысли о “негосударственной” церкви, но необходимость каким-то образом урегулировать жизнь “русско-ориентированных” православных в Финляндии всеми остро осознавалась. На этой почве усилилось влияние русской церковной эмиграции на события православной Финляндии. Как сообщал П. Конконтон, после визита митрополита Григория 1945 г. со стороны “церковных зарубежных” последовала “фабрикация всякого рода недоброжелательных слухов” вокруг споров о “заманивании” православных финляндцев призрачной автокефалией. Поэтому П. Конконтон периодически напоминал в письмах предложенный им ранее порядок получения автокефалии и просил Патриархию поместить в печати “хотя бы полуофициальное” подтверждение о ее даровании⁴². Каких либо данных о том, почему такое заявление не было сделано, в делах фонда Совета по делам РПЦ не обнаружено.

Для руководства жизнью финляндских старостильных общин и монастырей Московского патриархата был хиротонисан священник Михаил Чуб, посещавший Финляндию в составе делегаций от Московской патриархии. Он был викарием Ленинградского и Новгородского митрополита, епископом Лужским с декабря 1953 г. по ноябрь 1954 г. Именно его в 1954 г. Московская патриархия направила в Финляндию в качестве предполагаемого ранее благочинного⁴³. В январе 1954 г. перед поездкой епископа Михаила состоялась его беседа с заместителем председателя Совета по делам РПЦ С.К. Бельшевым, на которой присутствовали представители иностранного отдела Совета Г.Т. Уткин и В.С. Карпович. Епископ Михаил сообщил, между прочим, что его “смущает” двойное подчинение – митрополиту Григорию (Чукову), как управляющему приходами Московского патриархата в Финляндии, и митрополиту Николаю (Ярушевичу), как главе ОВЦС. Митрополиты по-разному высказались о главной задаче миссии епископа Михаила в Финляндии. Митрополит Григорий считал, что главное это навести порядок в двух патриархийных хельсинских приходах, сделать их “опорными пунктами”, для чего достаточно наезжать в Финляндию, а митрополит Николай видел главной задачей – возвращение ФПЦ, что требовало, по его мнению, постоянного присутствия епископа Михаила в Финляндии. С.К. Бельшев подтвердил, что главной задачей миссии все же должно стать возвращение всей финляндской церкви. Следует отметить, епископ Михаил не проявил энтузиазма по поводу необходимости своего постоянного присутствия в Финляндии и выставил ряд причин, почему он не сможет этого исполнить – преподавание в духовных школах, опасение обвинений со стороны финнов в экспансии, позднее прибавилась ссылка на состояние здоровья. В записи беседы заметна еще одна важная деталь. Епископ рассказал о том, что устроенная ему митрополитом Николаем аудиенция с Патриархом Алексием сопровождалась лишь “бесцветной беседой”, более того Святейший был вообще “рассержен”, зачем

³⁹ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 121, л. 126.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, л. 159, 168–169.

⁴² Там же, оп. 7, д. 138, л. 151–155.

⁴³ ЖМП, 1954, № 1.

митрополит привел к нему епископа Михаила⁴⁴. Если бы не было предпринято столько усилий и исписано столько бумаги, могло бы показаться, что Патриарх совсем не был заинтересован в успехе финляндской миссии, а епископ Михаил подходил к ней слишком формально.

В итоге, основной директивой от представителей власти стало общее наблюдение за жизнью финляндской церкви, установление связей с ее “прогрессивными элементами” и подбор делегатов для поездки в СССР. Сотрудники Совета продолжали настаивать на необходимости воссоединения и не считали опасностью быть обвиненными в экспансии реальной. К чести епископа Михаила, он высказал мнение, большего тогда нельзя было себе позволить, что необходимо прекратить вести переговоры о воссоединении за спиной архиепископа Германа (Аава) и оставить “заискивающий” тон в беседах с П. Контконеном. Кроме того, епископ предупредил сотрудников Совета, что запланированные маршруты финских делегаций в СССР никого не убеждают в наличии религиозной свободы: он не знает, как объяснять финнам, почему ленинградские храмы так долго находятся в состоянии “ремонта”, т.е. попросту закрыты⁴⁵.

Прежде наступления периода обмена делегациями, иерархи обеих сторон достигли негласного вынужденного соглашения о компромиссе – каждой стороне остаться при своем – в Финляндии сохранится власть “двух Патриархов”, “два национальных литургических языка”, “несколько различных идеологий и бесчисленное множество мнений”⁴⁶. Если это действительно имело место, то становится понятным, почему Московская патриархия не подтверждала обещанной автокефалии, что служило формальным предлогом затягивания переговоров.

Епископ Михаил посещал Финляндию в первой половине 1954 г. В стране была организована “газетная травля” в связи с тем, что Московская патриархия вторглась на чужую территорию. Недовольство было направлено как на русские монастыри, чье положение было двойственным – сообщалось, будто бы Москва желает “присвоить” богатство финляндских монастырей, чему следует положить конец⁴⁷ – так и на законно автономные хельсинские старостильные приходы. В двух общинах Московского патриархата в Финляндии было в то время 2000 человек, их храмы часто посещали прихожане официальной церкви⁴⁸. С 1 августа 1953 г. обе общины получали дотацию от Московской патриархии⁴⁹.

Как сообщает финский исследователь Ю. Рииконен: “Служба безопасности Финляндии получила информацию о стремлении Московского Патриархата к открытию новых приходов и основании особой русской епархии для Скандинавии ... Атмосфера к тому времени разрядилась уже настолько, что архиепископ Герман и специалист в области канонического права А. Инкинен смогли открыто заявить протест против присылки Москвой епископа Михаила. По их мнению, у русского епископа не было никаких законных оснований для пребывания в Финляндии. В Московском патриархате предприятие было признано несостоявшимся, и вскоре епископ Михаил был отозван”⁵⁰. То, что финляндская церковь узнала о намерении Московского патриархата только от секретных служб, кажется не вполне правдоподобным, если вспомнить, что митрополит Николай (Ярушевич) открыто говорил с президентом республики о возможности прислать особого епископа для старостильных монастырей и русских приходов в Финляндии во время визита 1953 г. Устав же автономных хельсинских общин позволял им подчиняться епископу любой юрисдикции.

Присутствие епископа Михаила в Финляндии создавало дополнительное напряжение – считалось, что Патриархия планирует сместить архиепископа Германа и

⁴⁴ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 147, л. 14–19.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ *Loima J. Nationalism and Orthodoxy. Helsinki, 2004, p. 190.*

⁴⁷ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 147, л. 74.

⁴⁸ Там же, оп. 7, д. 138, л. 156.

⁴⁹ Там же, оп. 2, д. 147, л. 10.

⁵⁰ *Riikonen J. Op. cit., p. 361.*

поставить вместо него “своего человека”, как это произошло в Варшаве и Праге⁵¹. Владыка Михаил был отозван, а 12 ноября 1954 г. Синод освободил митрополита Ленинградского и Новгородского Григория от управления русскими православными общинами и монастырями в Финляндии, подчинив их непосредственно ОВЦС и его главе митрополиту Николаю (Ярушевичу)⁵².

В 50-е годы XX в. несвобода Московской патриархии в СССР была выгодной для Финляндского церковного управления, поскольку давала возможность манипулировать более сильным противником. Борьба за автономию стала исторически традиционной для Финляндии и церковная составляющая этой автономии не стала исключением. Лавирование финляндской церкви между Москвой и Константинополем продолжалось все 1950-е гг. Финские исследователи считают этот процесс обусловленным “политическими заигрываниями Финляндии и Советского Союза”, которые “вели, с одной стороны, к улучшению положения дел в целом, и для ФПЦ, в частности. С другой стороны, они так и не смогли улучшить уже сложившийся негативный образ Московского Патриархата” в Финляндии⁵³. ФПЦ следовала политической линии правительства, тон которой задал в 1944 г. маршал и президент республики К. Маннергейм. Его заботило, чтобы высший эшелон власти не был связанным “безальтернативной” политикой по отношению к России⁵⁴. Возможно, поэтому все важные переговоры о воссоединении велись с Патриархией не архиепископом Германом, а одним из членов церковного управления. Сообщалось даже, что архиепископ Герман ничего не знал о составленном плане получения автокефалии⁵⁵.

К середине 50-х годов XX в. Московская патриархия вынуждена была постепенно передать свои приходы и монастыри поместным церквям на территории Болгарии, Румынии и Югославии. В 1957 г. ею была предоставлена автономия Китайской православной церкви⁵⁶. После 1947 г. самыми благоприятными для РПЦ стали 1955–1957 гг. Советское руководство беспокоило, чтобы внутрицерковные беспорядки не повредили международному имиджу СССР. Но сильная и независимая церковь не входила в планы государства с официальной атеистической идеологией.

Официальное постановление Синода Константинопольской церкви и Патриарха Афинагора о ФПЦ последовало 19 мая 1954 г. В нем подчеркивалось, что Православная церковь на территории суверенного государства имела законное право устроить свои дела в согласии с новыми условиями жизни, каноническое оформление чего и совершила Константинопольская патриархия. Патриарх Афинагор заявлял, что ФПЦ находится в каноническом положении, одобренном всеми поместными церквями, и на местном Соборе 1955 г. нет необходимости поднимать вопрос о ее переходе в Московский патриархат⁵⁷. В феврале 1955 г. официальный печатный орган ФПЦ “Аамун Който” заявил о прекращении публичной полемики о канонических разногласиях в местной православной церкви, ввиду несозидательного характера подобных споров⁵⁸.

23 января 1955 г. Московская патриархия обратилась в Совет по делам РПЦ с запросом о существовавшем в финляндской церкви движении сторонников воссоединения. Сотрудник Совета Г.Т. Уткин писал 25 января 1956 г.: «по моему мнению, поддерживать официально это движение... не следует, т.к. это обстоятельство настолько может углубить разрыв между русской и финляндской церквями, что ни о какой нормализации отношений в будущем не может быть и речи... Следует иметь в виду, что

⁵¹ Беседа митрополита Николая с доктором П. Контконеном 28 августа 1954 г. – ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 147, л. 148–150.

⁵² Там же, л. 223.

⁵³ *Riikonen J.* Op. cit., p. 363.

⁵⁴ *Мери В. К.Г.* Маннергейм – маршал Финляндии. М., 1997, с. 186–187.

⁵⁵ ГА РФ, ф. 6991, оп. 7, д. 145, л. 148–150.

⁵⁶ *Шкаровский М.В.* Указ. соч., с. 313.

⁵⁷ Аамун Който, 1954, № 19; ГА РФ, ф. 6991, оп. 7, д. 138, л. 175–177.

⁵⁸ Аамун Който, 1955, № 3; ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 170, л. 84–85.

премьер-министр Финляндии У. Кекконен в беседе с Контконеном... высказал мысль, что он “желал бы, чтобы предстоящие переговоры представителей двух церквей были столь успешными, как недавние переговоры советских и финляндских государственных деятелей”». На докладе Уткина от руки оставлена положительная резолюция “Так и надо...”⁵⁹.

11 июля 1956 г. Карело-Финская Советская Социалистическая Республика вновь была преобразована в Карельскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР. В 1957 г. Архиерейский Синод РПЦ признал “статус кво” Финляндской автономной церкви, состоящей в юрисдикции Константинопольского Патриарха. Известный канонист профессор С.В. Троицкий полагал, что здесь имела место неверная формулировка. Решение Синода не указывало, с какого времени РПЦ признает ФПЦ в каноническом подчинении Константинопольскому патриархату – с 1923 или 1957 г.? Если с 1923 г. – то она признает правильным акт отторжения Константинополем без своего согласия Финляндской архиепископии. Однако Патриархи Тихон (Беллавин) и Сергей (Страгородский) не пошли на такое признание, писал С.В. Троицкий митрополиту Николаю (Ярушевичу): “Зачем умалить их память и ронять свой авторитет?” Правильная формулировка, по мнению профессора, должна была звучать так: “в целях мира и братской любви канонические кириархальные права Русской Православной Церкви в отношении Финляндской Церкви уступить Константинопольскому Патриархату”. “Признавать”, продолжал автор, можно лишь уже существующее и тогда логичнее было бы “признать” право на автокефалию. Самое же важное, считал профессор, решение Архиерейского Синода вступит в силу только после согласия на него большинства русского епископата. В целях экономии можно сделать отступление от канонических норм, но важно, чтобы распоряжение об этом было издано компетентным органом церковной власти, правильно оформлено и отвечало церковной пользе, утверждал профессор⁶⁰. Только в 1971 г. Поместный Собор РПЦ одобрил решение Священного Синода от 30 апреля 1957 г. о признании автономии ФПЦ, бывшей части Московского патриархата⁶¹.

8 мая 1957 г. монастырь на Новом Валааме посетил митрополит Николай (Ярушевич). Он объявил монахам, что они должны подчиниться местному церковному управлению. Монахи недоумевали, почему их теперь заставляют делать то, в чем предписывали торжественно покаяться в 1945 г.⁶²: “Нас, бедных монахов, заставляли приносить покаяние с таким торжеством, и наделали много шума, а теперь опять приказывают подчиниться канонически Финляндской Церкви, которая Святую Пасху служит по новому стилю”. Многие задумались о причинах воссоединения русской и финляндской церквей – “Евангельская любовь, покрывающая множество грехов, или что-то другое”⁶³.

Для государственных властей восстановление канонической правды в межцерковных отношениях было простой формальностью, одним из факторов политической стабильности. Для церкви все обстояло по-другому. Канонический аспект – неотъемлемый фактор ее бытия. И за его чистоту приходилось вести борьбу в политически напряженных условиях. Вполне вероятно, негласное соглашение о сохранении здоровой дистанции в отношениях между теснимой властью Московской патриархией и Финляндским церковным управлением действительно существовало. Иначе трудно

⁵⁹ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 222, л. 108.

⁶⁰ Копия письма профессора С.В. Троицкого от 13 июля 1957 г. – Там же, оп. 2, д. 222, л. 165–168.

⁶¹ Поместный Собор РПУ: 30 мая – 2 июня 1971 г. М., 1972, с. 127.

⁶² Присоединение монахов Валаамского монастыря к Русской Православной Церкви в 1945 г. было проведено через таинство покаяния за отход от Московского Патриархата, нарушение пасхального канона и внутренние разделения. – *Шевченко Т.И.* Валаамское охранительство: финляндский период. Вестник ПСТГУ (II), 2008, № 3, с. 91–100.

⁶³ VLA, папка “Разные записи, воспоминания и стихотворения Игумена Нестора”, “Канноноски”, л. 123.

объяснить многолетнее “перемалывание” одной и той же информации в контролируемой Советом по делам РПЦ переписке между иерархами Московской патриархии и финляндскими церковными лидерами, отсутствие “подтверждающего” постановления о даровании автокефалии и теплые отношения Московской патриархии в 70-е годы XX в. с Финляндским архиепископом Павлом (Олмари), которого в документах Совета 1950-х гг. называли “врагом Русской Церкви”⁶⁴ и который, будучи в 1945 г. иеромонахом, заявил, что “лучше уния, чем Москва”⁶⁵.

В любом случае, никто лучше, чем сами русские иерархи, не знал реальную обстановку в РПЦ и состояние церковно-государственных отношений. Сами они в своих действиях относительно финляндской церкви, дочерней для Московского Патриархата, руководствовались в большинстве случаев канонической правдой, иноприродной политическим расчетам, и при этом понимали необходимость поправки, учитывавшей политическое давление государственной власти. Став “советскими”, иерархи Московской патриархии не перестали быть русскими. Более чем 100-летнее пребывание Финляндии в составе России есть неотъемлемая часть истории финляндской государственности, вычеркнуть которую не удалось никому.

⁶⁴ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 170, л. 103–104.

⁶⁵ Там же, оп. 7, д. 138, л. 19 (конверт).